

Старостин Дмитрий Николаевич, Кулешова Елена Владимировна

REGNUM NOSTRUM... VESTRE COMMITIMUS POTESTATI В ПИСЬМЕ ГЕНРИХА II ПЛАНТАГЕНЕТА К ФРИДРИХУ I БАРБАРОССЕ: ОБРАЗ ВЛАСТИ, ГРАМОТНОСТЬ И СЕМИОТИКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье раскрывается значение письма Генриха II Плантагенета Фридриху I Барбароссе, в котором он признает себя вассалом империи, в контексте создания средневековых монархий и особенностей средневековой письменной культуры. Рассматриваемый документ демонстрирует преемственность с ранним Средневековьем (Каролингской эпохой), когда идея империи господствовала. Письмо следует воспринимать не как правовой документ, а как отражение устных, зачастую негласных договоренностей, на которых и держалась средневековая политическая культура.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/5/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(79) С. 152-156. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93(3)

Исторические науки и археология

В статье раскрывается значение письма Генриха II Плантагенета Фридриху I Барбароссе, в котором он признает себя вассалом империи, в контексте создания средневековых монархий и особенностей средневековой письменной культуры. Рассматриваемый документ демонстрирует преемственность с ранним Средневековьем (Каролингской эпохой), когда идея империи господствовала. Письмо следует воспринимать не как правовой документ, а как отражение устных, зачастую негласных договоренностей, на которых и держалась средневековая политическая культура.

Ключевые слова и фразы: монархия в Средние века; идея империи в Средние века; письменная культура в Средние века; Генрих II Плантагенет; Анжуйская династия.

Старостин Дмитрий Николаевич, к.и.н.

Кулешова Елена Владимировна, к.и.н.

Санкт-Петербургский государственный университет

d.starostin@spbu.ru; e.kuleshova@spbu.ru

**REGNUM NOSTRUM... VESTRE COMMITIMUS POTESTATI
В ПИСЬМЕ ГЕНРИХА II ПЛАНТАГЕНЕТА К ФРИДРИХУ I БАРБАРОССЕ:
ОБРАЗ ВЛАСТИ, ГРАМОТНОСТЬ И СЕМИОТИКА СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ**

Тема империи и королевской власти является одной из центральных для изучения Средневековья. Важнейшая часть данной проблемы – преемственность с империей, созданной Каролингами, и попытки королей Франции и императоров Священной Римской империи опереться на имперскую легитимность их предшественников, одновременно ограничив притязания других монархов, в особенности королей Англии [2, с. 30]. Вопрос сложных взаимоотношений французской короны и новых английских монархов (Плантагенетов), бывших вассалами французских королей, а также проблема влияния на эти отношения общеевропейских претензий императоров Салической династии и династии Гогенштауфенов являются важнейшими для исследователей, обращающихся к проблемам формирования средневековых структур власти, появления и консолидации средневековых королевств и исследующих историю возникновения королевских домов в Европе [2, с. 88, 100; 6, с. 85-93; 16; 17; 46]. На сегодняшний день проблема трактовки этих взаимоотношений снова обрела актуальность главным образом в области понимания претензий монархов на легитимность и значимость в Европе. Несмотря на так называемую «раздробленность», королевская власть Капетингов во Франции, «слабая» по понятиям эпохи Карла Великого [2, с. 8, 12-16, 72-76], тем не менее обладала огромным сакральным потенциалом, таившимся в функции правителя как сюзерена [2, с. 30; 6, с. 85-93]. В дополнение к традиционным взглядам исследователи стали выдвигать идеи, предполагавшие существование альтернативной системы средневековых представлений, в которой центры власти и сама властная иерархия были выстроены не так, как в устоявшихся интерпретациях. В частности, в противовес представлениям о так называемой «Анжуйской империи» [2, с. 87-107] историки выдвинули концепцию «Норманнской империи», тем самым отобрав у Генриха Плантагенета исключительное право считаться создателем владений, простиравшихся через Ла-Манш, так называемого «морского королевства» (transmarine kingdom) [34]. Таким образом, система представлений о королях, а также их иерархия не рассматривались как единый комплекс взаимосвязанных ценностей, а власть не имела единого центра. Данные исследования снова сделали актуальным изучение системы взглядов королей эпохи высокого Средневековья и их окружения. Интерес к данной проблематике усилился, когда авторы трудов, посвященных средневековой культуре, стали все больше обращать внимание на символические аспекты власти, появившиеся в результате развития письменной культуры и повседневной грамотности [15; 38; 44]. Практическая значимость нашего исследования состоит в пересмотре иерархии связей между властвующими домами Европы в период формирования европейских монархий высокого Средневековья, в выработке понимания того, где иерархия реальной власти отличалась от иерархии, существовавшей в виде абстрактной идеи и пожеланий, бытовавших в королевском окружении и среди образованных людей, как церковных, так и светских.

Исследование по-настоящему средневековых представлений необходимо, поскольку, начиная с раннего Нового времени, историки, среди которых было много официальных королевских историографов, создали историографическую традицию, в рамках которой многие средневековые представления оказались в тени. Работы Э. Бима, Э. Браун, Ш. Грель, П. Бурке и ряда других исследователей показали, насколько изменились нарративы истории Франции в процессе поиска согласия на фоне общеевропейского конфликта и религиозных войн [9; 11; 13; 24-29]. В контексте создания и укрепления монархий раннего Нового времени историки вынуждены были по-другому расставлять акценты при описании даже основных сюжетов французской истории [3-5; 45].

Образ королевской власти, как нам представляется, зависел от многих аспектов средневековой культуры, которые ранее не принимались во внимание исследователями XIX-XX веков. В отличие от традиционного подхода, базировавшегося, в первую очередь, на политической истории и характерного для исследования

этого периода в течение XIX и практически всего XX века [33], обратим внимание на символическое пространство Европы и на знаковую систему, посредством которых средневековые правители выстраивали общий язык власти [1, с. 8-12, 23-25; 12]. В течение долгого времени отдельные сюжеты истории XII века (обособление и консолидация королевского домена во Франции, создание «Анжуйской империи» Плантагенетами) считались нормой, не выходящей за рамки традиции. Однако были и эпизоды, которые историки долго обходили стороной в силу их нетрадиционного и даже спорного характера. Обратимся к одному из таких эпизодов и поразмышляем о природе королевской власти и соотношении в системе ценностей средневековых образованных представителей власти и Церкви идей империи и королевства.

К источникам, дающим представление об иерархии власти в Европе, относится известное «письмо» Генриха II к императору Фридриху I, в котором он назвал себя вассалом империи: “Regnum nostrum... vestre committimus potestati”. Текст данного письма приводит в своих *Gesta Frederici* Рихвин, сочинение которого составляет практически единое целое с «Хроникой» Оттона Фрейзингенского [39, S. 172]. Историки отмечали, что это было крайне странное утверждение, поскольку всеобщая власть императора не признавалась ни в англосаксонской Англии, ни в Германии X-XI веков [47, S. 64-68]. Исследователи искали этому только политическое объяснение. Например, была выдвинута идея, что это письмо было написано в связи с союзом, который возник между семьей Матильды и императором Германии Генрихом V после их обручения в 1109 г. [41, p. 326]. Однако представляется, что это объяснение вряд ли может считаться соответствующим стилю отношений между правящими кругами Европы. Нет сомнения в том, что родственные связи и чувство принадлежности к находившейся на вершине власти в королевствах Европы родственной группе были одним из важнейших аспектов самосознания правителей, начиная с X века. В частности, Оттон I был женат на Эдит, сестре короля англосаксонской Англии Этельстана, Лотарь, король Франции, был внучатым племянником того же Этельстана. Этот список можно продолжать [10, p. 224]. Однако ситуация Генриха II была не столь однозначна, поскольку Генрих V был первым мужем его матери, что вряд ли позволило бы возникнуть каким-либо долгосрочным дружеским связям. Тот факт, что письмо отмечается только в немецкой хронике, к тому же благожелательно настроенной к императору, заставляет подозревать немецких хронистов в попытке написать благоприятный для Фридриха I вариант истории. Сменив угол зрения, исследователи обратили внимание на то, что такого рода утверждения в письме были сделаны скорее для внутреннего употребления в рамках образованного сообщества Священной Римской империи [35, p. 506]. В этом смысле последние работы, посвященные данному сюжету, перестали видеть в письме обязательство правового свойства и указали на то, что оно было частью риторических формул, периодически возникавших вокруг европейских властителей.

Данное письмо позволяет нам предложить новую интерпретацию системы властных отношений между европейскими правителями во время правления первых Плантагенетов с учетом имперских притязаний Ричарда Львиное Сердце [1, с. 37-40; 7, p. 38, 43-45]. При наличии согласия в семье первый король Англии из рода Плантагенетов Генрих II и его сыновья представляли собой сильнейший клан, который мог удержаться у власти и контролировать свои владения, не нуждаясь в помощниках [22, p. 66, 69]. Содержавшийся как узник при императоре Генрихе V, Ричард Львиное Сердце, как сообщают некоторые авторы, считал, что рожден настолько знатным, что может не признавать власть императора в Европе [37, p. 85]. По-видимому, это идиосинкратическое высказывание говорит о попытках сына Генриха II доказать свою независимость от императора, каковая, возможно, была де-факто и у его отца. Насколько это высказывание Ричарда Львиное Сердце было связано с письмом Генриха II, неясно, потому что основным обвинением против Ричарда было его неуважение к одному из главных организаторов крестовых походов Конраду Монферратскому, а наиболее явными причинами – его попытка вмешаться в дела императора в Сицилийском королевстве и его значительные расхождения по этому поводу с французским королем Филиппом II Августом [7, p. 43-45; 8, p. 128; 18, p. 188-189; 19, p. 182].

Даже если само письмо Генриха II, а точнее та его часть, в которой говорилось о передаче королевства под эгиду императора, является недостоверным, мы можем полагать, что в Германии существовала твердая уверенность в подобном положении дел. Нужно понимать характерные особенности политической мысли периода высокого Средневековья. Считалось, что император *de iure* имел высшую власть в Европе, хотя эта власть никогда не понималась *de facto*. В позднем Средневековье Бальдо де Убальдис сформулировал идею о том, что император обладал всеобщим «общественным» правом, которое, однако, не давало ему никакой власти и права относительно частных владений индивидов [14, p. 37, 79-82; 40, p. 18]. Более того, можно учесть также и тот факт, что Фридрих Барбаросса до 1147 г. не обладал политическим весом даже в империи и фактически был вынужден, как Жоффруа и Генрих II, укреплять свое положение путем постоянных конфликтов с соседями. Возможно, как предполагают исследователи, Генриха II и Фридриха I объединяло то, что они оба чувствовали себя правителями, обиженными несоблюдением их древних прав, перешедших к ним от отца и деда. Это была общая часть их миросозерцания, которая делала их положение несхожим с положением Людовика VII [35, p. 505].

Как оценить этот эпизод о передаче новым королем Англии себя и своего королевства под власть империи? Казалось бы, будучи зависимым от французского короля, Генрих II вряд ли мог легко отдавать последние символы своей независимости в руки полноценного и сильного патрона.

Стоит отметить, что нарратив о правлении Генриха II не был таким однозначным, как кажется. Традиционный рассказ о победах и успехах Генриха II на первых порах сменился рассказом о неудачах при передаче власти Ричарду Львиное Сердце и Иоанну Безземельному [1, с. 70; 22, p. 76-101]. Например, в воззрениях историков XIX-XX веков, опиравшихся на сообщения своих средневековых предшественников, можно отметить уверенность в том, что при попытке Иоанна Безземельного усилить свой статус за счет отсутствующего Ричарда он был фактически «одурачен» собранием баронов, которое хоть и сделало его “*rector totius*

regni”, но одновременно признало архиепископа Руанского юстициарием королевства [2, с. 112; 46, р. 538]. Историки также с сомнением относятся к рассказу Матвея Парижского о полноценном избрании Иоанна Безземельного на трон в 1199 г. [2, с. 102-103]. Наиболее критический подход к данному событию предполагает, что эта выдумка Матвея Парижского, что выборов баронами не было и что на самом деле избрание Иоанна вовсе не являлось таким единодушным, как кажется.

Генрихом II владело стремление приобрести больше феодальных *honores*, а не просто расширить сферу своего контроля [6, с. 92]. Изначально его интересовала Тулуза, так как практически сразу после воцарения в Англии он предпринял попытку подтвердить свою власть на юге Франции. В частности, он принял заложников от жителей Аквитании и Гаскони (*homagia et obsides de tota Aquitania et Gasconia exegit et accepit*) [21, р. 78]. Употребление этих терминов говорит о том, что он стал пользоваться полной властью герцога в этом регионе после брака с Элеанорой Аквитанской, которая единственная могла претендовать на эти земли как наследница целой плеяды герцогов Пуату.

Следует отметить, что сложные взаимоотношения существовали не только между королями, но и между самими феодальными иерархиями. Известно, что Генрих II признал себя вассалом короля Франции за Нормандию, Британию, Анжер, Санс (*faciens regi Franciae hominum*) [20, р. 208; 42, р. 596]. Можно было бы задать вопрос, какая именно «Британия» имелась в виду в данном случае. Скорее всего, это, конечно же, была Бретань, правители которой могли считаться вассалами короля Франции хотя бы номинально со времен Карла Лысого и договора в Кулэне 843 г. Сын Генриха II Ричард, после заключения династического брака с дочерью короля Франции, получил герцогство Аквитанское и признал себя за него вассалом короля Франции. Знать из Пуатье и Бретани, которая выступила в данном случае против короля Англии, снова вернулась на его сторону.

Следует понимать, что ситуация, в которой оказался Генрих II, не была из ряда вон выходящей. В королевствах в переходный период от империи Каролингов к государственным образованиям высокого Средневековья практически не существовало сообщества, объединенного вокруг короля единой идеей и самосознанием. Даже такой внешне успешный властитель, как король Германии Оттон I, например, смог остаться у власти только благодаря своей непрекаемой жесткости в отношении своего собственного клана Лиудольфингов. Хотя для Видукинда Корвейского он смог победить восстание 938-941 гг. против его власти благодаря своим постоянству и харизме (*constantia* и *iocunditas*), на самом деле своим успехом он обязан только полному пренебрежению интересами других членов клана и действиям, направленным против них [36, р. 243]. Говоря о правлении саксонской династии, можно подчеркнуть, что в тот момент в Германии еще не сложилось политической культуры коммуникации и взаимодействия. В частности, историки подчеркивают, что король не служил для знати в качестве арбитра и понятия политической общности знати практически не существовало [43, р. 310].

Генрих II, который поступал чуть менее жестко, естественно оказался, согласно устоявшейся традиции каролингской власти, в определенной зависимости от более сильных правителей.

В течение долгого времени историки для объяснения содержания письма Генриха II приводили только доводы политического характера или списывали его на политическую риторичность. Однако современные исследования средневековой культуры, семиотики и семантики ее дискурсов заставляют обратить внимание на значимость подобного рода утверждений в контексте того значения, которое занимала в культуре Средневековья письменная традиция по сравнению с устной.

Заметим, что письмо Генриха II не является единственным документом, отразившим тему признания авторитета германского императора. Уверенность в том, что английское королевство принадлежало германскому императору, была характерна не только для Оттона Фрейзингенского и Рихвина, авторов хроники и деяний Фридриха I. Как сообщает письмо о заседаниях IV Латеранского собора в 1215 г., один из немецких клириков публично озвучил эту же точку зрения. Отметим, что это вызвало ответ со стороны Иннокентия III с просьбой «немедленно замолчать» [35, р. 504]. Таким образом, то, что существовало в письменном виде, не всегда было актуально для произнесения в торжественной обстановке, которая обязывала к действиям. Это заставляет обратить внимание на соотношение устной и письменной культуры в высоком Средневековье и посмотреть на письмо Генриха II в данном контексте.

Ответ, на наш взгляд, кроется в характере средневековой грамотности и роли текста. Исследователи подмечали, что между понятиями «грамотность» и «неграмотность» в Средние века существовало множество различных градаций [23, р. 186-187]. Роль текста изменилась, как считают историки, когда в разгар полемики вокруг противостояния светской власти и Церкви отношение к рукописи стало другим. Если до середины XII века чтение текста было обязательно связано с ментальной практикой *contemplatio*, то после этого текст стал самостоятельным, и для его понимания уже не нужно было прибегать к религиозным практикам. Он стал нормативным, т.е. самодостаточным и несущим норму, а не «информацию к размышлению» [31, S. 31]. В этот период появилась и стала активно развиваться практическая письменность, связанная с нуждами управления [15; 31, S. 7; 32, S. 409; 48, р. 6-7]. Правда, появляется вопрос о размерах ее распространения и уровне понимания текста. Можно говорить о «грамотности» не как о всеохватывающей и однородной культуре в период ее максимального распространения в Средние века, а скорее как о различных формах понимания и использования письменных текстов [38, р. 56; 48, р. 8-10]. Таким образом, распространение практической, административной грамотности усложнило формы письменной культуры и ее использования в обществе, а также поставило вопрос о понимании текстов и об их влиянии как на читавшего, так и на общество в целом. Проблема того, как читались в среде образованных монахов тексты в период расцвета практической письменности, остается нерешенной.

Подобное отношение к письменной культуре привело к ряду важных выводов в понимании прошлого в высоком Средневековье. Дальнейшие исследования показали, что у образованных людей были критерии оценки устной информации, которую они могли подразделить на разные категории в зависимости от ее надежности и достоверности [30, р. 301]. Постепенно с развитием схоластики как самодостаточной дисциплины появился интересный поворот в области оценки как устной, так и письменной традиций. В частности, в самый пик развития схоластики, при Фоме Аквинском, процесс мысли стал выстраиваться строго от частного к общему. Любое прошлое, как устное, так и письменное, стало частным случаем мыслительной абстракции, ведшей от общего к частному. Таким образом, текст стал набором частных случаев, недостойным анализа, всего лишь ступенькой на пути к цельному пониманию действительности. В отличие от Ансельма Кентерберийского, у которого процесс диалога с собой был основой, предлагаемой для восприятия монахами или, в общем случае, всеми читателями религиозной истины, у схоластов эпохи Фомы Аквинского диалог с собой, устный либо письменный, считался просто предназначенным для забвения подготовительным материалом [44, р. 59]. В высоком Средневековье образованные люди делали тонкие градации различных типов как устной информации, так и письменных сообщений.

Стоит отметить, что римский папа не считал возможным озвучить письмо Генриха II Плантагенета, поскольку в этом случае оно произвело бы своего рода взрыв в властной иерархии. Оставшись же в виде текста, предназначенного только для одного читателя, оно не имело той легитимной значимости, которая могла служить для правителей основой для передела власти. Будучи всего лишь письмом, оно являлось не общеправовым, а частным документом и представляло собой своеобразный приватный диалог. Как письмо оно имело значимость только для схоластически образованных людей Церкви, составлявших королевское и императорское окружение, и не могло подорвать баланс между основными правителями Европы. Если бы его содержание огласили, то у диалога появились бы слушатели, и он превратился бы из частного дискурса власти в публичный. Данное письмо свидетельствовало о преемственности с раннесредневековым периодом, когда империя еще оставалась единственной общепризнанной формой власти в Европе. Любые короли, если они не имели, как короли Франции, среди своих предшественников целую локальную династию (от Карла Лысого до Карломана II), обладавшую императорским титулом или полномочиями, должны были признавать свою зависимость от империи хотя бы в рамках ученого, если не публичного дискурса.

Список источников

1. **Добняш-Рождественская О. А.** Крестом и мечом: приключения Ричарда I Львиное Сердце. М.: Наука, 1991. 108 с.
2. **Пти-Дюгайи Ш.** Феодалная монархия во Франции и в Англии X-XIII веков. М.: Соцэкгиз, 1938. 423 с.
3. **Старостин Д. Н., Кулешова Е. В.** Проблема прихода к власти Меровингов в трудах французских эрудитов XVI в. сквозь призму истории о Хильдерике // Молодой ученый. 2015. Т. 13. С. 551-556.
4. **Старостин Д. Н., Кулешова Е. В.** Французские историки XVI в. о начале истории королевства франков: публикация глав о приходе к власти короля Хильдерика (ум. 481/482) из сочинений Бернара Дюгайяна (1535-1610) и Клода Фоше (1530-1602) // Молодой ученый. 2015. Т. 17. С. 402-412.
5. **Старостин Д. Н., Кулешова Е. В.** Французские эрудиты XVI в. и представления о переходе от Античности к Средневековью: Бернар Дюгайян (1535-1610) и формирование концепции об особой роли V в. в истории средневековой Западной Европы // Общественные науки в современном мире: сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции (11 сентября 2016 г.). Уфа, 2016. Вып. III. С. 6-18.
6. **Фавтье Р.** Капетинги и Франция: роль династии в создании государства. СПб.: Евразия, 2001. 294 с.
7. **Ambrose.** The History of the Holy War: Ambrose's *Estoire de la guerre sainte* / ed. by M. Ailes. Woodbridge: Boydell Press, 2003. 210 p.
8. **Arnold B.** German Knighthood 1050-1300. Oxford: Clarendon Press, 1999. 308 p.
9. **Beame E. M.** The Politiques and the Historians // Journal of the History of Ideas. 1993. Vol. 54. № 3. P. 355-379.
10. **Brooke C.** Europe in the Central Middle Ages, 962-1154. N. Y.: Holt, Rinehart, Winston, 1964. 403 p.
11. **Brown E. A. R.** The Trojan Origins of the French and the Brothers Jean du Tillet // After Rome's Fall: Narrators and Sources of Medieval History. Essays Presented to Walter Goffart / ed. by W. Goffart, A. C. Murray. Toronto: University of Toronto Press, 1998. P. 348-384.
12. **Brown E. A. R.** *Unctus ad executionem justitie: Philippe le Bel, Boniface VIII et la grande ordonnance pour la réforme du royaume (du 18 mars 1303)* // Le roi, fontaine de justice: pouvoir justicier et pouvoir royal au Moyen Âge et à la Renaissance / sous la dir. de J.-P. Boudet, S. Menegaldo, B. Ribémont. Paris, 2011. P. 145-168.
13. **Burke P.** Introduction: Concepts of Continuity and Change in History // The New Cambridge Modern History / ed. by P. Burke. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 1-15.
14. **Canning J.** The Political Thought of Baldus de Ubaldis. Cambridge – N. Y.: Cambridge University Press, 1987. 300 p.
15. **Clanchy M. T.** From Memory to Written Record, England 1066-1307. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1993. 407 p.
16. **Fawtier R.** *Autour de la France capétienne: personnages et institutions.* L.: Variorum, 1987. 300 p.
17. **Fawtier R.** Les Capétiens et la France: leur rôle dans sa construction. P.: Presses universitaires de France, 1942. 224 p.
18. **Flori J.** Richard Coeur de Lion: le roi-chevalier. P.: Biographie Payot, 1999. 597 p.
19. **Fuhrmann H.** Germany in the High Middle Ages, c. 1050-1200. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 209 p.
20. **Gervase of Canterbury.** *Chronica Gervasii* // The Historical Works of Gervase of Canterbury: The Chronicle of the Reigns of Stephen, Henry II, and Richard I / ed. by W. Stubbs. L.: Longmans, 1880. Vol. 1. P. 1-630.
21. **Gervase of Canterbury.** *Gesta regum* // The Historical Works of Gervase of Canterbury: The Minor Works Comprising the Gesta Regum with Its Continuation, the Actus Pontificum, and the Mappa Mundi / ed. by W. Stubbs. L.: Longmans, 1880. Vol. 2. P. 1-562.
22. **Gillingham J.** Richard I. New Haven: Yale University Press, 1999. 380 p.

23. **Graham W.** Beyond the Written Word: Oral Aspects of Scripture in the History of Religion. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 311 p.
24. **Grell C.** History and Historians in France, from the Great Italian Wars to the Death of Louis XIV // The Oxford History of Historical Writing: 1400-1800 / ed. by J. Rabasa [et al.]. Oxford: Oxford University Press, 2012. Vol. 3. P. 384-405.
25. **Grell C.** La monarchie française et l'histoire en France au XVIIe siècle. Etat des recherches en France // Les princes et l'histoire du XIV au XVIIIe siècle (Paris – Versailles, 13-16 mars 1996) / sous la dir. de C. Grell, W. Paravicini, J. Voss. Bonn: Bouvier, 1998. P. 535-554.
26. **Grell C.** Les historiographies en France, XVI-XVIII siècles // Les historiographes en Europe de la fin du Moyen âge à la Révolution / sous la dir. de C. Grell. P.: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2006. P. 127-156.
27. **Grell C.** L'histoire au service d'ambitions hégémoniques. La monarchie française et l'instrumentalisation du passé au XVIIe siècle // Les cours d'Espagne et de France au XVIIe siècle / sous la dir. de C. Grell, B. Pellistrandi. Madrid: Casa de Velázquez, 2007. P. 279-305.
28. **Grell C.** L'histoire de France et le mythe de la monarchie au XVIIIe siècle // Histoire de France, historiens de la France. Actes de colloque international (Reims, 14-15 mai 1993) / sous la dir. d'Y.-M. Berce, P. Contamine. P.: Champion, 1994. P. 166-188.
29. **Grell C.** Références historiques et modèles politiques: images du pouvoir impérial en Europe XVIe-XVIIIe siècles // Revista de historiographia. 2011. T. 14/8. P. 4-11.
30. **John S.** Historical Truth and the Miraculous Past: The Use of Oral Evidence in Twelfth-Century Latin Historical Writing on the First Crusade // English Historical Review. 2015. Vol. 130. № 543. P. 263-301.
31. **Keller H.** Vom 'heiligen Buch' zur 'Buchführung'. Lebensfunktionen der Schrift im Mittelalter // Frühmittelalterliche Studien. 1992. Jg. 26. S. 1-31.
32. **Keller H., Worstbrock F.-J.** Träger, Felder. Formen pragmatischer Schriftlichkeit im Mittelalter // Frühmittelalterliche Studien. 1988. Jg. 22. S. 388-409.
33. **Lavisse E., Rambaud A.** Histoire générale du 4e siècle à nos jours. L'Europe féodale Les Croisades, 1095-1270. P.: A. Colin, 1925. 992 p.
34. **Le Patourel J.** The Norman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1976. 416 p.
35. **Leyser K.** Frederick Barbarossa, Henry II and the Hand of St James // The English Historical Review. 1975. Vol. 90. № 356. P. 481-506.
36. **Leyser K.** Medieval Germany and Its Neighbours, 900-1250. L.: Hambledon, 1982. 288 p.
37. **Longford E.** The Oxford Book of Royal Anecdotes. Oxford: Oxford University Press, 1989. 546 p.
38. **Orme N.** Lay Literacy in England, 1100-1300 // England and Germany in the High Middle Ages / ed. by A. Haverkamp, H. Haverkamp. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 35-56.
39. **Ottonis et Rahewini Gesta Friderici I imperatoris** / hrsg. von G. Waitz, B. von Simson. 3. Aufl. Hannover, 1912. 385 S.
40. **Pennington K.** The Prince and the Law, 1200-1600: Sovereignty and Rights in the Western Legal Tradition. Berkeley: University of California Press, 1993. 335 p.
41. **Poole A. L.** From Doomsday Book to Magna Carta, 1087-1216. Oxford: Clarendon Press, 1955. 541 p.
42. **Recueil des historiens des Gaules et de la France:** Contenant et terminant la suite ses monuments des trois règnes de Philippe Ier, de Louis VI dit le Gros, et de Louis VII surnomé le Jeune, depuis l'an MLX, jusq'en MCLXXX. P.: De L'Imprimerie Royale, 1814. T. 16 / sous la dir. de M. J. J. Brial. 752 p.
43. **Reuter T.** King, Nobles, Others: 'Base' and 'Superstructure' in the Ottonian Period // Medieval Politics and Modern Mentalities / ed. by J. L. Nelson. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 300-324.
44. **Rivers K.** Memory and History in the Middle Ages // Writing the History of Memory / ed. by S. Berger, W. J. Niven. L.: Bloomsbury Academic, 2014. P. 50-64.
45. **Starostin D. N., Kuleshova E. V.** French Érudites and the Construction of Merovingian History // Historia da Histórografia. 2016. Vol. 21. P. 77-95.
46. **Stubbs W.** The Constitutional History of England in Its Origin and Development. Oxford: Clarendon Press, 1891. Vol. 1. 692 p.
47. **Trautz F.** Die Könige von England und das Reich 1272-1377. Heidelberg: C. Winter, 1961. 457 S.
48. **Vollrath H., Prestwich J. O., Leyser K. J.** Introduction // England and Germany in the High Middle Ages / ed. by A. Haverkamp, H. Haverkamp. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 1-34.

**REGNUM NOSTRUM... VESTRE COMMITIMUS POTESTATI
IN HENRY II PLANTAGENET'S LETTER TO FREDERICK I BARBAROSSA:
AUTHORITY IMAGE, LITERACY AND SEMIOTICS OF MEDIEVAL CULTURE**

Starostin Dmitrii Nikolaevich, Ph. D. in History
Kuleshova Elena Vladimirovna, Ph. D. in History
Saint Petersburg University
d.starostin@spbu.ru; e.kuleshova@spbu.ru

The article discovers importance of Henry II Plantagenet's letter to Frederick I Barbarossa, in which he acknowledges himself an Empire's vassal. The artifact is considered in the context of medieval monarchies formation and peculiarities of the medieval written culture. The mentioned document preserves continuity with the early Middle Ages (Carolingian period), when the Empire conception dominated. The letter should be interpreted not as a legal document but as a representation of oral, often secret agreements that formed the basis of the medieval political culture.

Key words and phrases: medieval monarchy; medieval conception of Empire; medieval written culture; Henry II Plantagenet; the House of Anjou.